

ПИТЕР ГРАЙМЗ, ИЛИ ШТРИХИ К РУССКОМУ ПОРТРЕТУ АНГЛИЙСКОГО ГЕРОЯ*

Аннотация. В поэме «Местечко» («The Borough», 1810) английским поэтом Джорджем Краббом был создан портрет рыбака Питера Граймза, одного из самых сумрачных типов приморских полузаброшенных городов, в котором с раннего детства были заложены неблагоприятные черты: злость, непокорность, способность поднять руку на отца, неуважение к Библии. Редкая пронизательность, острота и мощь в описании человеческих характеров сделали Крабба подлинным мастером художественного портрета. Перевод фрагмента о Питере Граймзе из краббовского «Местечка» был выполнен Мином со свойственным ему высоким профессионализмом, с вниманием к художественным особенностям английского подлинника, проявившимся, в числе прочего, в практически полной подчиненности переводческой работы замыслу английского автора.

Ключевые слова: Джордж Крабб, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэтический перевод, литературная традиция, реминисценция, художественная деталь.

Поэма Дж. Крабба «Местечко» («The Borough», 1810) состоит из двадцати четырех «писем» («letters»), в которых, как и в более ранних произведениях – «Деревне» и «Приходских списках», воссоздается жизнь небольшого провинциального местечка, представленная посредством последовательного детального описания местности (письмо I), церкви (II), приходского священника (III), второго священника прихода (IV), религиозных течений (V), выборов (VI), профессий

(VII), ремесел (VIII), развлечений (IX), клубов и общественных собраний (X), гостиниц (XI), игроков (XII), богадельни с ее обитателями (XIII – XVI), больницы с ее управляющими (XVII), бедняков и их жилищ (XVIII), отдельных интересных личностей из числа бедняков (XIX – XXII), тюрем (XXIII) и школ (XXIV). До настоящего времени не существует полного русского перевода краббовской поэмы, заинтересовавшей отечественных интерпретаторов лишь фрагментарно. В 1855–1862 гг. Д.Е. Мин, воодушевленный как общим подъемом демократических настроений в канун крестьянской реформы, так и конкретно циклом статей А.В. Дружинина, осуществил перевод писем I и XXII. Как мастер художественной формы Мин достаточно близко передал внешние особенности английского оригинала, его метр, ритм, рифму, отклонившись только в общем числе стихов в сторону увеличения: в письме I вместо 302 стихов оригинала перевод включал 318 стихов, в письме XXII – вместо 375 – 407. Во второй половине XX в. литературовед и переводчик Ю.Д. Левин, автор диссертационного исследования «Зарождение критического реализма в английской литературе (Творчество Джорджа Крабба)», защищенного в Ленинграде в 1951 г. [1], и авторитетной статьи «Крестьянская тема в английской поэзии XVIII – начала XIX в. и деревенские поэмы Дж. Крабба» (1955) [2], предпринял новый перевод «письма» о Питере Граймзе (XXII), опубликованный в отрывках в 1981 г. [3], полностью – в 1996 г. [4].

«Питер Граймз» («Peter Grimes») является письмом XXII, завершающим у Крабба раздел «Бедняки местечка» («The Poor of the Borough»), состоящий из четырех писем. При всей своей реалистичности мрачный сюжет о Питере Граймзе сближается с традицией популярного в Европе на рубеже XVIII – XIX вв. готического романа. Однако ни сама поэма Крабба, ни эпизод о Питере Граймзе не получили широкого европейского признания вплоть до середины XX в., когда английский композитор Эдвард Бенджамин Бриттен написал свою знаменитую оперу «Питер Граймз» (1945), представленную Английской оперной группой на гастролях по всему миру,

* © Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И.

Статья подготовлена по проекту НК-393(1)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствование», выполняемому в рамках мероприятия 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами» мероприятия 1.3 «Проведение научных исследований молодыми учеными – кандидатами наук и целевыми аспирантами в научно-образовательных центрах» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы» (госконтракт №П1940 от 29.10.2009).

в том числе и в Советском Союзе в 1964 г.

Крабб создал портрет рыбака Питера Граймза, одного из самых сумрачных типов приморских полузаброшенных городов, в котором, кажется, самой природой с раннего детства были заложены неблагоприятные черты: злость, непокорность, способность поднять руку на своего богопослушного отца, неуважение к Библии, вызывавшее откровенное изумление старшего Питера («And while old Peter in amazement stood» [5] [Пока старый Питер в изумлении стоял]). В переводе Мина эпизод противопоставления юным Граймзом евангельского «Жизни слова» и самой жизни показан намного жестче, причем в «испуганной» реакции отца ощутимо какое-то внутреннее предчувствие мрачного будущего его строптивого и надменного отпрыска: «...старый Граймс пред ним / Стоял, испуганный глумлением таким» [6].

При переводе пророческих слов обиженного отца Мин опустил упоминание о счастливой судьбе матери младшего Граймза, не дожившей до взросления сына и потому не испытавшей позора за него: «The father groan'd «If thou art old», said he, / «And hast a son – thou wilt remember me: / Thy mother left me in a happy time, / Thou kill'dst not her – Heav'n spares the double crime» (p. 108 – 109) [Отец застонал, «Когда ты будешь стар», – сказал он, / «И у тебя будет сын – ты вспомнишь меня: / Твоя мать оставила меня в счастливое время, / Ты не убиваешь ее – Небеса освобождают от двойного преступления] – «И как стонал старик: «Когда ты будешь стар, / И будешь сам отцом, и жить на воле станешь, / Тогда поверь, мой сын, меня не раз вспомнешь!» (с. 416). Вместе с тем о ранней кончине матери Питера Мин упоминал в самом начале своего перевода, когда сообщал о смерти старшего Граймза, побудившей его сына на какой-то момент задуматься о той непростительной дерзости, которая характеризовала его отношения с отцом: «Когда же наконец, / По смерти матери, скончался и отец, / Сын Питер, с похорон зайдя в кабак близ моря, / Вдруг вспомнил прошлое и прослезился с горя. / Тут только в первый раз он вспомнил со стыдом, / Как непростительно он дерзок был с отцом» (с. 415).

Привлекает внимание использование Краббом глаголов-паронимов «fish» («рыбачить») и «filch» («красть»), позволявших немногословно, но ярко представить двойную жизнь Питера Граймза: «He fish'd by water, and he filch'd by land» (p. 109) [Он рыбачил на воде, и он крал на земле]. Вместо этих глаго-

лов в переводе Мина появлялось выражение «вор проворный», в котором оказывались рядом не только созвучные, но и этимологически близкие слова с различными значениями, причем воровские занятия настолько выигранно противопоставлялись рыбацкому промыслу Питера Граймза, что даже отодвигали его на второй план: «Он в море был рыбак, на суше вор проворный» (с. 416). Соблюдая авторский повтор «Oft...» («Нередко...»), показывавший регулярность воровских занятий Питера, Мин несколько русифицировал часть текста, содержащую перечисление украденного Граймзом («морковь, репа, сено»), тогда как Крабб говорил об абстрактных «продуктах сада» («orchard's produce») и о «ноше с фермерского двора» («farm-yard load»), имея в виду в последнем случае заготовленные на зиму корма для домашнего скота: «Oft in the night has Peter dropp'd his oar, / Fled from his boat and sought for prey on shore; / Oft up the hedge-row glided, on his back / Bearing the orchard's produce in a sack, / Or farm-yard load, tugg'd fiercely from the stack» (p. 109) [Часто ночью Питер бросал свое весло, / Исчезал со своей лодки и искал добычу на берегу; / Часто через ограду скользил, на своей спине / Неся продукты сада в мешке, / Или ношу с фермерского двора, вырванную свирепо из стога] – «Причалив к берегу и бросив там весло, / Нередко по ночам он шел на ремесло; / Нередко, на спину взвалив мешок набитый / Морковью, репою, в чужих садах нарытой, / Иль сеном, вырванным из чьих-нибудь стогов, / Он крался вдоль плетней с обкраденных дворов» (с. 416).

Удовлетворение жизнью соотносится в сознании Питера с возможностью обретения безраздельной власти над живым существом, способности причинять боль и управлять послушным созданием, в связи с чем символическим представляется авторский повтор «A feeling creature subject to his power / <...> / A feeling being subject to his blow» («Чувствующее создание, подчиненное его власти / <...> / Чувствующее создание, подчиненное его удару»), в котором предельно важна замена лексемы «power» («власть») на «blow» («удар»), позволяющая уточнить представление героя о власти как о возможности применения к слабому и незащитному грубой физической силы. Причем если в первом случае герой еще только ищет себе будущую жертву («But no success could please his cruel soul, / He wish'd for one to trouble and control; / He wanted some obedient boy to stand / And bear the blow of his outrageous hand; / And hoped

to find in some propitious hour / A feeling creature subject to his power» (p. 109) [Но никакой успех не мог угодить его жестокой душе, / Он желал одного – причинять боль и управлять; / Он хотел, чтобы какой-нибудь послушный мальчик стоял / И сносил удар его жестокой руки; / И надеялся найти в какой-то благоприятный час / Чувствующее создание, подчиненное его власти)], то во втором, обрета долгожданное господство над ребенком, он упивается собственной властью и силой («He'd now the power he ever loved to show, / A feeling being subject to his blow» (p. 110) [Он имел теперь власть, которую он всегда любил показывать / Чувствующему созданию, подчиненному его удару]).

В русском переводе Мина мысль английского оригинала выражена несколько жестче, в частности, отмечено, что Питер Граймз изначально стремился обрести не послушного работника, а молчаливого, безропотного раба, его действия характеризовались как грозные и злобные, мальчик же, напротив, был дважды назван «созданием Божьим», что подчеркивало всю богопротивность действий Питера: «Но злой душе его все не было покою: / Хотел он властвовать над чьей-нибудь душой, / Хотел он мальчика в рабы себе достать, / Чтоб дерзкою рукой без жалости терзать, / И он надеялся, что рано или поздно / Созданье Божие найдет, чтоб мучить грозно / <...> / <...> теперь он мог удобно / Созданье Божие терзать и мучить злобно!» (с. 417). В характеристику торговли детьми, которых из сиротских домов за мизерную плату передавали нуждающимся в них торговцам («Peter had heard there were in London then, – / Still have they being! workhouse-clearing men, / Who, undisturb'd by feelings just or kind, / Would parish-boys to needy tradesmen bind: / They in their want a trifling sum would take, / And toiling slaves of piteous orphans make» (p. 109 – 110) [Питер слышал, что были в Лондоне тогда, – / Все еще они есть! очищающие работные дома люди, / Которые, невозмутимые чувствами праведными или добрыми, / Приходских мальчиков нуждающимся торговцам отдавали: / Они, за нехваткой, пустяковую сумму брали, / И выполняющих тяжелую работу рабов из достойных сострадания сирот делали]), Мин ввел жесткие сравнения детей с овцами, а их положения – с пребыванием «за стеной тюрьмы», подчеркивавшие всю омерзительную изнанку вроде бы благого дела – «очищения» сиротских домов: «Он знал, что в Лондоне в то время был народ – / Он и поныне есть! – вербующий сирот, – / На-

род бессовестный, вербующий к торговцам / В неволю тяжкую детей, подобно овцам, / В неволю худшую, чем за стеной тюрьмы: / Так очищают там сиротские дома!» (с. 416–417).

В современном переводе Ю.Д. Левина данный эпизод ближе к английскому оригиналу, содержит сочувствие сиротской доле, неприятие действий властей, однако лишен той гневной пафосности, которой проникнуты размышления Д.Е. Мина, во многом вызванные не столько краббовским текстом, сколько усилением народнических тенденций в общественной жизни России первых лет царствования Александра II: «Он знал, что есть работные дома, / Которые для бедных как тюрьма. / Там власти, не щадя сиротской доли, / Детей приходских продают в неволю / И, чтоб грошовый выручить доход, / Творят рабов из жалостных сирот» [7]. Кстати, в переводе Ю.Д. Левина, максимально полно передающем краббовский замысел, обращают на себя внимание удачно подобранные эпиграфы из поэмы В. Скотта «Мармион» («Был злодей с размахом, / Что убивает ни за грош, / Когда он не удержан страхом; / В ком честь и совесть стали прахом, / Для зла любой предлог хорош; / А чувства скотские во власти / Неутолимой скотской страсти» (песнь II, 22)), пьес Шекспира «Ричард III» («Сдавалось, души всех, кого убил я, / Сюда сошлись, и каждый мне грозил» (действие V, сцена 3)) и «Макбет» («В былые времена, / Как выбьешь мозг, подохнет человек, / И кончено; а ныне он встает, / Хоть двадцать ран на черепе его, / И гонит с места нас» (действие III, сцена 4)) [8], которые расположены в строго продуманном порядке: мысль о злодее, движимом «скотской страстью», сменяется раздумьем о бессмертии убиенных им душ, их способности восстать из небытия ради отмщения обидчику.

Как отмечают в своей статье В.К. Томас и К.Х. Обер, самым потрясающим в истории Питера Граймза является то обстоятельство, что английский поэт, показывая на всем протяжении повествования жестокость своего героя, каким-то образом смог в финале вызвать к нему сочувствие читателей. Мин же, по их мнению, представил совершенно другой типаж, причем невольной причиной трансформации образа героя стали многочисленные мелкие детали описания, в своей совокупности вызывавшие иной, далекий от сострадания, отклик читателя на поведение Граймза: «...like flakes of snow falling on parts of a landscape, they accumulate, and in their accumulation they radically alter its ap-

rearance» [9] [...как снежинки, падающие на землю, они накапливаются, и в своей совокупности они радикально изменяют ее очертания]. Одним из таких значимых аспектов является авторская позиция, особенно отчетливо проступающая в эпизоде, рисующем отношение людей к жестокому обращению Питера со своим подмастерьем, полученным им из сиротского дома. Такая жестокость во многом стала возможной ввиду людского безразличия ко всему происходившему, намеренно подчеркивавшегося Краббом при помощи многократного повтора лексемы «none» («ни один»): «But none inquired how Peter used the rope, / Or what the bruise, that made the stripling stoop; / None could the ridges on his back behold, / None sought him shiv'ring in the winter's cold; / None put the question, – Peter, dost thou give / The boy his food? – What, man! the lad must live: / Consider, Peter, let the child have bread, / He'll serve thee better if he's stroked and fed.» / None reason'd thus and some, on hearing cries, / Said calmly, «Grimes is at his exercise» (p. 110) [Но ни один не спрашивал, как Питер использовал веревку, / Или что за синяк, который заставлял подростка наклониться; / Ни один не видел рубцы на его спине, / Ни один не искал его дрожащего в зимний холод; / Ни один не задавал вопрос: «Питер, ты даешь / Мальчику еду? – Что, человек! парень должен жить: / Подумай, Питер, дай ребенку хлеб, / Он будет служить тебе лучше, если он приласкан и накормлен». / Ни один не размышлял таким образом и некоторые, услышав крики, / Говорили спокойно: «Граймс за своим занятием»]. При интерпретации данного эпизода русский переводчик вновь оказывался более жестким, называл Питера Граймза не «жестоким хозяином» («savage master»), а «палачом» и даже «бешеным палачом», использовал риторические вопросы «Да кто же знать хотел <...>?», «Да кто же спрашивал <...>?», «Да кто же говорил <...>?» с характерным анафорическим «Да кто же...», акцентировавшим аморфность общественного сознания, увлеченность каждого из членов общества исключительно личными проблемами: «Да кто же знать хотел, какие изверг плети / Сплел для несчастного? какие вдоль спины / Ребенка страшные рубцы положены? / Да кто же спрашивал, как в стужу мальчик-нищий / Дрожал от холода? и сколько в день он пищи / От Граймса получал? Да кто же говорил: / «Послушай, Питер Граймс, ты парня заморил! / Приятель, сам пойми: ведь, сытый и свободный, / Он больше вынесет трудов, чем

раб голодный!» – / Никто не думал так; но каждый, слыша плач, / Спокойно говорил: «Опять за плеть, палач!» (с. 417).

В произведении Крабба окружающие отрицают саму возможность проявления интереса к состоянию первого ученика Граймза, что достигает кульминации в стихах: «...and some, on hearing cries, / Said calmly, «Grimes is at his exercise» («...и некоторые, услышав крики, / Говорили спокойно: «Граймс за своим занятием»). Все хорошо понимают, что это за «занятие», но, памятуя о неприкосновенности личной жизни англичанина, принципиально подчеркивают, что это «его» (Питера Граймза) занятие – его дело, а не их. Внутренне осознавая необходимость вмешательства в происходящее, окружающие объясняют свою инертность, соотнося жестокость Питера с его «занятием». У Мина тонкости английского мировосприятия опущены, а Питер Граймз в резкой форме охарактеризован как «палач» (с. 417). Одновременное осуждение Граймза и замалчивание факта жестокого обращения с ребенком подчеркнуто акцентируют внимание на бесчеловечности окружающих, однако у Крабба звучит лишь ирония по поводу неурядиц личной жизни, тогда как в восприятии более категоричного Мина проблемы приобретают общественные масштабы.

Смерть мальчика, не вынесшего страданий, осталась безнаказанной для Питера Граймза, который, как ни в чем не бывало, приобрел нового мальчика, однако и тот был вскоре найден погибшим – утонувшим в садке для рыбы. Наконец, Питер Граймз взял третьего мальчика, внешность и манеры которого вызывали сочувствие к нему со стороны жен рыбаков, осознававших всю горечь его дальнейшей судьбы во власти изверга Питера: «Then came a boy, of manners soft and mild, – / Our seamen's wives with grief beheld the child; / All thought (the poor themselves) that he was one / Of gentle blood, some noble sinner's son, / Who had, belike, deceived some humble maid, / Whom he had first seduced and then betray'd. / However this, he seem'd a gracious lad, / In grief submissive and with patience sad» (p. 111) [Тогда появился мальчик, с манерами мягкими и спокойными, – / Жены наших моряков с печалью смотрели на ребенка; / Все думали (бедные сами), что он был / Благородной крови, сын какого-нибудь знатного грешника, / Который, вероятно, обманул какую-нибудь скромную девицу, / Которую он сначала совратил и затем предал. / Как бы там ни было, он казался добрым парнем, / В горе смиренным и с терпением печальным].

Усиливая впечатление общего сочувствия окружающих к ребенку, Мин упоминал среди страдавших ему не только жен рыбаков, но и самих рыбаков («Малютку милого, с лицом столь кротким, нежным, / Что стало жаль его и рыбакам прибрежным, / И бедным женам их: все думали, что он / От крови непростой на свет произведен. / «Наверно, это сын кого-нибудь из знатных, / Который погубил в сетях своих развратных / Простую девушку и бросил, разлюбив» (с. 418)), а также подчеркивал кротость и нежность ребенка, ожидавшего печального конца («С столь добрым личиком, с такой душою кроткой» (с. 418)).

Когда и третий ребенок умирал по дороге в лодке, жестокое, безразличное отношение Питера Граймза к его маленьким ученикам становилось особенно очевидным: «Meantime the fish, and then th' apprentice died» (p. 112) [Тем временем рыба, а затем ученик умерли]. Сравнение умершего ученика с выловленной и умершей рыбой, показывавшее всю ничтожность личности ребенка для восприятия деспотичного Граймза, было несколько смягчено Мином, использовавшим вместо глагола «died» («умерли») глагол «заснули»: «Тут рыба у меня заснула, а потом / И подмастерье мой заснул последним сном» (с. 419). И хотя за недоказанностью злого умысла Питер и отделался лишь запретом нанимать к себе на работу несовершеннолетних, божья кара все равно настигла преступника, обреченного на изгнание, одиночество и тихое помешательство.

Если в поэме Крабба звуковой фон удручающей картины жизни усиливался немелодичным криком чайки, курлыканием гоголя, ревушим шумом выпи («Or sadly listen to the tuneless cry / Of fishing gull or clanging golden-eye / <...> / And the loud bittern, from the bull-rush home, / Gave from the salt-ditch side the bellowing boom» (p. 113) [Или печально слушать немелодичный крик / Ловящей рыбу чайки или курлыкающей птицы гоголь / <...> / И громкая выпь, из камышового дома, / Издавала со стороны солевой канавы ревуший шум]), то в переводе Мина крик выпи характеризовался как «ужасающий», упоминался клетк орлов и печальный звук голоса рыболова («Иль внемля, как кричит печально рыболов, / Как звонко в воздухе несется клетк орлов / <...> / Он слышал, как, упав на дремлющую зыбь, / Крик ужасающий подъемлет ночью выпь» (с. 420)), причем в авторских примечаниях выбор нестандартизованного словосочетания «клетк орлов» объяснялся цитатой из «Слова о полку Игореве» («Орлы

клетком на кости зверя зовут»), а незнакомая многим птица выпь описывалась одновременно бесстрастно (как зоологический вид) и эмоционально: «Выпь или вып – *Ardea stellaris*, род цапли, крик которой имеет в себе что-то ужасающее, особенно ночью».

Неучтенным в русском переводе осталось настойчивое использование Краббом определения берегов – «bounding» («ограничивающий, окаймляющий») от английского «bound» («граница, предел, рубеж, отмечающие территорию, за пределы которой нельзя выходить»), – с которого, собственно, начинается описание реки и которое призвано показать изгнание Питера из общества, навсегда отделенного не только берегами, но и прибрежными столбами: «bounding marsh-bank» («ограничивающий берег болота»), «tall bounding mud-banks» («высокие ограничивающие грязные берега»), «bank-side stakes in their uneven ranks» («неровные ряды прибрежных столбов»). Помещая описание изоляции Питера от общества в середину повествования, Крабб делал его переломным моментом произведения, кардинально менявшим отношение читателя к Граймзу – от осуждения к сочувствию, при этом восприятие отверженным героем действительности отражало его болезненный внутренний мир, его кризисное душевное состояние. Русский переводчик, не чувствуя изменения тональности английского оригинала, усиливал отвлечение к Питеру Граймзу и тем самым не оставлял в сердцах читателей места состраданию.

Если в английском оригинале описание дня первой встречи Питера с призраками наполнено какой-то таинственной настороженностью («'Twas one hot noon, all silent, still, serene» (p. 116) [Был жаркий полдень, весь безмолвный, тихий, безмятежный]), то русский переводчик краток, даже резок в выражении мысли («Был страшно-знойный день...» (с. 423)), а воссозданное им видение гораздо более мрачное и пугающее ввиду упоминания об аде, подославшем бледных мальчишек, ср.: «...my father on the water stand, / And hold a thin pale boy in either hand; / And there they glided ghastly on the top» (p. 117) [...мой отец на воде стоит / И держит по одному худому бледному мальчику в каждой руке; / И там они скользили, наводя ужас, на гребне (волны)] – «Три грозных призрака восстали над волной. / Один – был мой отец; другие два, с ним рядом, – / Мальчишки бледные, подосланные адом» (с. 423). В сцену последней встречи героя и призраков Мин

вносит упоминание о «бесовской злости», находящееся в определенной параллели с образом ада: «There was more mischief in their eyes, more glee / In their pale faces when they glared at me» (p. 118) [Было больше зла в их глазах, больше ликования со злорадством / В их бледных лицах, когда они впивались взглядом в меня] – «О! никогда еще не представляли гости / В глазах сверкающих такой бесовской злости!» (с. 425). Упомянутая Краббом «горячая красная жидкость» («hot-red liquor»), брошенная в лицо Питеру его отцом, ассоциирована в переводе Мина с «пламенем и кровью» и сопоставлена с «огненным знаменем». Если адские мучения причиняются в оригинале Крабба только мозгу героя («I thought the demons would have turn'd my brain» (p. 118) [Я думал, что демоны перевернули мой мозг]), то в переводе Мина все тело Питера Граймза подвергается жестоким и бесконечным пыткам: «Как будто демонам я отдан был на муки» (с. 425). Сойдя с ума, Питер Граймз умирает посреди своих ужасных видений, бессознательно сознавшись во всех совершенных им преступлениях.

Согласно Библии имя «Peter» означает «скала, камень» («rock»), и Крабб вполне мог выбрать это имя для своего героя, чтобы показать его жестокость. Вместе с тем тот факт, что Граймз ударил призрака своего отца «трижды» («thrice»), определенным образом сближает его со Св. Петром, который трижды отказывался от своего духовного отца. Значимость эпизода встречи Питера с призраком отца подчеркнута фамилией «Grimes», заимствованной из старого английского и означающей в переводе «сын призрака» («son of spectre») [10]. Мин не учел всего этого в своем переводе.

Вторая часть произведения Крабба наполнена параллелями к первой: если ранее Питер ударил своего отца и тот «застонал» («groaned»), то теперь, когда он бьет призрака своего отца, он слышит «замогильный стон» («hollow groan»), который заставляет «ослабеть все [его] тело» («weaken'd all [his] frame»); если Питер нанес удар отцу «по его непокрытой голове» («on his bare head»), то призрак отца ударяет героя «в мозг» («to the brain»); прежде Питер ударил своего первого ученика, когда тот «пытался помолиться» («strove to pray»), сейчас он просит призрака «дать [ему] время помолиться» («give [him] time to pray»); ранее Питер нашел «чувствующее создание, подчиненное его удару» («a feeling being subject to his blow»), теперь, в момент расплаты, «каждый маленький зло-

дей-фантом наслаждался [его] страданиями» («each little villain sprite enjoy'd [his] pains»); Граймз «ухмылялся с внушающим ужас ликованием (с оттенком злорадства)» («grinn'd in horrid glee») страданиям первого подмастерья, впоследствии он увидел «ликование (с оттенком злорадства) на их бледных лицах <лицах призраков мальчиков>» («glee in their pale faces»); наконец, «выпивка / спиртной напиток» («liquor»), чье отсутствие послужило косвенной причиной смерти третьего подмастерья, вновь появляется, когда призрак отца расплескивает в лицо Питеру «горячую красную жидкость / выпивку» («hot-red liquor»). На фоне этих примеров параллель Мина, воссоздающая при описании призрака стон старика («стонал старик» (с. 416) – «...в волнах раздался глухо / Тяжелый чей-то стон...» (с. 424)) кажется случайной, поскольку иных параллелей в переводе не наблюдается: Питер ударил отца «в его седое темя» (с. 416), а удары видения в мозг героя заменены восклицанием «Какие ужасы там днем и ночью вижу!» (с. 424); просьба первого ребенка о молитве в переводе не упоминается, а Питер просит «...отложите казнь до завтрашнего дня!..» (с. 423); фразы о наслаждении от страданий другого вообще различны в интерпретации Мина: «Созданье Божие терзать и мучить злобно» (с. 417) и «И с громким хохотом скрываются в туман» (с. 424); вместо ликования с оттенком злорадства Питер «...с радостью... / Зубами скрежетал...» (с. 417), а призраки мальчиков не только не испытывали ликования, но с содроганием наблюдали разрушение внутреннего мира Питера («...никогда еще не представляли гости / В глазах сверкающих такой бесовской злости!» (с. 425)); о выпивке в первом случае говорилось, что она закончилась («...вышел ром...» (с. 419)), а во втором она была заменена «горячей влагою из крови и огня» (с. 425). В свете сказанного можно утверждать, что Мин утратил элемент циклического повторения событий, значимый для английского оригинала Крабба.

Поэма «Местечко», работе над которой Крабб посвятил восемь лет жизни, в полной мере раскрывает черты литературной зрелости поэта-священника, однако все же остается шероховатой и по своему содержанию, и по стихотворной форме, в частности, некоторые эпизоды поэмы скучны, чрезмерность в деталях делает ее чтение утомительным, а само повествование выглядит излишне монотонным. Тем не менее «Местечко» в полной мере представляет достижения Крабба

в интерпретации религиозных мотивов и в изображении портрета героя. Редкая проницательность, острота и мощь в описании человеческих характеров сделали Крабба подлинным мастером художественного портрета, и в этой связи становится понятным, почему именно портретный эпизод о Питере Граймзе, действительно представляющий собой одну из наиболее ярких и сильных частей поэмы, был выбран Мином для перевода. Интерес русского переводчика к введению краббовской поэмы был обусловлен, очевидно, первоначальным желанием познакомить русского читателя с полным текстом «Местечка». И хотя поэма в полном объеме так и не была переведена, обращение к введению в немалой степени способствовало общему ознакомлению с краббовским произведением; более того, будучи построенным на контрасте, вводное письмо поэмы само по себе было достаточно выразительным. Оба перевода фрагментов «Местечка» были выполнены Мином со свойственным ему высоким профессионализмом, с вниманием к художественным особенностям английского подлинника, проявившимся, в числе прочего, в практически полной подчиненности переводческой работы замыслу Крабба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Левин Ю.Д. Зарождение критического реализма в английской литературе (Творчество Дж. Крабба): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1951.
2. Левин Ю.Д. Крестьянская тема в английской поэзии XVIII – начала XIX в. и деревенские поэмы Дж. Крабба // Из истории демократической литературы в Англии XVIII – XX вв. – Л., 1955. – С. 5 – 67.
3. Левин Ю.Д. Местечко: Питер Граймз (отрывки) // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX вв.): Антология. – М., 1981. – С. 193 – 203.
4. Левин Ю.Д. Питер Граймз // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро. – М., 1996. – С. 157 – 166.

5. Crabbe G. Selected Poems. – L., 1946. – P. 108. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
6. Мин Д.Е. Питер Граймс (Из Крабба) // Русский вестник. – 1862. – Т. 42. – № 11. – С. 415. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
7. Левин Ю.Д. Питер Граймз // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро. – М., 1996. – С. 159.
8. Там же. – С. 157.
9. Thomas W.K., Ober K.H. Min as a Translator of Crabbe: a Russian Transformation of Peter Grimes // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative and Interdisciplinary Studies. – 2005. – №1. – P. 14.
10. Penguin Dictionary of Surnames. – Harmondsworth: Penguin Books, 1967. – P. 123.

D. Zhatkin, E. Ilyazova

PETER GRIMES, OR SOME STROKES TO THE RUSSIAN PORTRAIT OF THE ENGLISH CHARACTER

Abstract. In the poem «The Borough» (1810) the English poet George Crabbe created a portrait of the fisherman Peter Grimes, one of the most gloomy characters of the seaside half-deserted towns, who had such negative features as malice, rebelliousness, ability to lay hands on his father, disrespect for the Bible since his childhood. Rare perspicacity, witticism and power in the description of the person's nature made Crabbe a genuine master of the literary portrait. The translation of the fragment about Peter Grimes from Crabbe's «The Borough» was created by Min with professionalism typical for him, with heed to literary peculiarities of the English original, that resulted in almost full subordination of the translation to the English author's intention.

Key words: George Crabbe, Russian-English literary and historical-cultural relations, poetic tradition, literary tradition, reminiscence, literary detail.